

Н. П. Копанева

**О СОБРАНИИ Я. В. БРЮСА,
НАСЛЕДНИКАХ И КАБИНЕТЕ УЧЕНОГО***

АННОТАЦИЯ. После смерти в 1735 г. Я. В. Брюса, сподвижника Петра Великого, российского государственного деятеля, ученого, переводчика, его библиотеку и собрание «редкостей», как известно, перевезли из его подмосковного имения Глинки в Петербургскую академию наук, где они были включены в состав академических библиотеки и музея. После вывоза из Москвы «Брюсовых пожитков» к императрице с челобитной обратился наследник Брюса, его племянник, сын старшего брата Якова Вилимовича Александр Романович Брюс. Наследник просил вернуть забранное, поскольку все собрание составляло «знатную часть имения», но получил ответ, что за книги и вещи, забранные в Академию наук, ему выплатят сумму, которая будет определена при оценке собрания. Дело о возмещении наследникам суммы затянулось: А. Р. Брюс денег не получил, и вопросом наследства пришлось заниматься его сыну Я. А. Брюсу. Обращения наследников к императорскому двору сначала Елизаветы Петровны, а потом Екатерины II требовали от Академической канцелярии возвращения к составлению списков собрания, денежной оценки отдельных коллекций Якова Брюса, отчета о том, что сохранилось от них в библиотеке и музее. Эти документы в настоящее время составляют дополнительные источники изучения истории собрания Я. Брюса в составе музейного фонда Кунсткамеры первой половины XVIII в. Анализ описаний собрания Брюса приводит к выводу, что это было собрание не столько коллекционера, сколько ученого-экспериментатора. И библиотека, и коллекции Брюса — это прежде всего его рабочий кабинет. Именно поэтому они оказались так востребованы в Академии наук.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Яков Брюс, А. Р. Брюс, И. Тауберт, Петербургская академия наук, Кунсткамера, музейное собрание Брюса

УДК 930.1:069.51

DOI 10.31250/2618-8619-2020-4(10)-56-64

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА КОПАНЕВА — к.филол.н., главный хранитель фондов, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: kopaneva@kustkamera.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино» (рук. А. В. Головнёв).

При изучении истории Библиотеки и Кунсткамеры Академии наук первой половины XVIII в. исследователями неоднократно подчеркивалось то значение, которое имело для формирования их фондов собрание Якова Вилимовича Брюса (1669–1735).

Библиотеке Брюса, источникам ее изучения, составу посвящены фундаментальные работы С. П. Луппова (Луппов 1973а; 1973б). В 1989 г. Е. А. Савельевой был издан каталог «Библиотека Я. В. Брюса», в который вошли книги этого сподвижника Петра I, сохранившиеся в Библиотеке Академии наук. При этом составитель подчеркнула: «В настоящем каталоге не ставится задача реконструкции библиотеки Я. В. Брюса, хотя для подобной работы имеются солидные материалы» (Савельева 1989: 5). О другой части собрания Я. В. Брюса: коллекции инструментов, картин, минералов, нумизматическом кабинете — монографического исследования нет.

Обращение к «предметной» части собрания Я. В. Брюса связано прежде всего с работами О. Я. Неверова (Неверов 1977; 1997; 2000), Ю. О. Каган (Каган 2000), М. Л. Меньшиковой (Меньшикова 2000). Исследователи не ставили перед собой задачу выявить все документы, дающие представление о том, что собой представляла коллекция Я. В. Брюса как единое целое. Источниками для изучения отдельных частей собрания являлись прежде всего документы, опубликованные М. И. Сухомлиновым в «Материалах для истории Императорской академии наук»: это описи собрания Брюса 1742 г. (Материалы 1889: 152–245) и 1745 г. (Материалы 1895: 406–408), а также «Роспись золотым и серебряным вещам и дорогим камням, которые хранятся при императорской кунст-камере в полате ГТ», составленная И. Таубертом по требованию Кабинета императорского двора в 1745 г. В ней указан источник поступления в Кунсткамеру предметов, в том числе из «Брюсовых пожитков» (Материалы 1895: 299–322). «Роспись» И. Тауберта составлена с указанием номеров шкафов и номеров хранящихся в них предметов. Известно, что в 1730–1750-е годы музейные коллекции Кунсткамеры («Нарисованный музей» 2003; 2004) зарисовывались, и на листах с изображениями по большей части также указывались номера шкафов и предметов. Поэтому мы имеем возможность увидеть на рисунках ряд вещей из коллекции Я. В. Брюса и, более того, попытаться их найти в музейных фондах Государственного Эрмитажа и МАЭ РАН, что и было успешно начато, но не завершено О. Я. Неверовым, Ю. О. Каган и М. Л. Меньшиковой.

Известно, что Яков Вилимович Брюс (рис. 1), сподвижник Петра Великого, известный российский государственный деятель, ученый, переводчик, скончался 19 (30) апреля 1735 г. в своей подмосковной усадьбе Глинки. После получения известия о смерти Брюса 30 мая того же года главный командир Академии наук И. А. Корф направил в Кабинет императрицы Анны Иоанновны доношение, в котором просил передать в Академию наук «многие куриозные вещи, яко книги, инструменты, до древности принадлежащие вещи, редкие монеты и камни, которые он от части на пути с Его Императорским Величеством блаженныя и вечнодостойныя памяти Петром Первым в Германии восприял, а отчасти здесь великим трудом и иждивением собрал» (Материалы 1886а: 728). Корф, сам обладатель богатейшей библиотеки, писал императрице, насколько важно, чтобы собрание покойного Брюса оказалось в Академии наук и было употреблено на общую пользу: «Рачителем наук и знаний в пользу и увеселение служило, и притом может быть, чтоб и другим великим знатным людям для получения своему имени такими учреждениями бессмертныя славы поощрение придало» (Материалы 1886а: 728).

Указ за подписью кабинет-министров графа А. И. Остермана, князя П. И. Ягужинского и графа А. М. Черкасского, в котором предписывалось собрание Брюса отправить в Санкт-Петербург в Академию наук, был послан в Москву сенатору, московскому главнокомандующему графу Семену Андреевичу Салтыкову 16 июня. По указу С. А. Салтыков, Б. В. Аладьин и Г. Л. Гурьев составили опись книг и вещей, а 21 июля И. А. Корф сообщил С. А. Салтыкову о том, что в Москву для разбора и описания коллекций генерал-фельдмаршала Я. В. Брюса и последующей передачи в Кунсткамеру отправлены нотариус Х. Тидеман и копиист И. Пухарт. Им было предписано все книги и вещи описать, причем не только в Глинках, но и в других домах Брюса. В сентябре Тидеман и Пухарт из-за непогоды не смогли вывезти подводы с упакованными ящиками в Петербург. Только

Рис. 1. Портрет Я. В. Брюса. По литографии Ф. Мейера. XIX в.
Из книги: Первобытный Брюсов календарь с начала первого его выхода при жизни Брюса,
с портретом и биографиею графа Брюса. Харьков, 1875. Л. 2. МАЭ РАН

в декабре «Брюсовы пожитки» оказались в Академии наук вместе с теми описями, которые были составлены Тидеманом и Пухартом с использованием списков Аладьина и Гурьева: «Ведомость что по описи явилось в доме покойного господина генерала фельтмаршала и кавалера Якова Виллемовича Брюса в Библиотеке инструментов разных и прочих вещей» (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 16). 22 января 1736 г. по распоряжению И. А. Корфа привезенные из Москвы вещи и книги начали разбирать, описывать и передавать в Библиотеку и Кунсткамеру.

Однако, как свидетельствуют архивные документы, хранящиеся в РГАДА, на этом история передачи «Брюсовых пожитков» в Академию наук не закончилась. У Я. В. Брюса, не имевшего своих детей, был наследник — сын его брата Александр Романович Брюс (1704–1760), которому отошло не только имение Глинки, но и графский титул дяди. Несомненно, И. А. Корф, прилагая усилия к скорейшему вывозу собрания Я. В. Брюса в Петербург, знал о наследнике и, возможно, его имел в виду, когда писал императрице Анне Иоанновне, что «весьма сожалеть надлежит, ежели такое презрядное собрание расточено будет, или таким людям в руки достанется, которые ни в свою, ни в общую пользу оных употребить не могут» (Материалы 1886а: 728). Во всяком случае, потомком, которому, по словам Корфа, помещение собрания Я. В. Брюса в Академию наук послужило бы «в честь и славу», был тогда только А. Р. Брюс.

В год смерти Я. В. Брюса и в период с 1736 по 1739 г. А. Р. Брюс принимал участие в военных действиях сначала за польское наследство, а затем в Русско-турецкой войне 1735–1739 гг. В 1740 г. он вернулся в Москву и обратился к императрице с челобитной, прося вернуть отпавшие в Академию наук библиотеку и коллекции, поскольку все собрание составляло «знатную часть имения». Было решено компенсировать убыток, понесенный наследником Я. В. Брюса, деньгами, для чего необходимо было произвести оценку вывезенного собрания (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Л. 30 об.). Дело затянулось, и в 1742 г. А. Р. Брюс вновь обратился в императорский Кабинет, уже к императрице Елизавете Петровне. В Академию наук последовал указ о проведении оценки собрания Брюса, что и было сделано, о чем советник академической Канцелярии И. Д. Шумахер 31 мая 1742 г. сообщал: «Прошедшего марта 1742 году по присланному из кабинета Ея Императорского Величества указу, которым предписано покойного генерала фельдмаршала графа Брюса куриозные вещи, а именно золотые и серебряные медали, також инструменты, картины и книги в Академию наук в котором году и по какому указу взяты и сколько и какими именно имеются тем всем вещам и насколько будет подробная оценка, а по справке в Академии наук оные вещи в Академию наук отданы в 1735 году по докладу Академии наук и по резолюции пребывавшего кабинета, а каких сколько порознь тех вещей золотых, серебряных медалей, також инструментов картин и книг, оным при сем доношении с оценкою прилагается реестр. А все оные вещи оценены знающими людьми, которые смотрели на внутреннюю их доброты, однакож ежели рассуждать курьезность и охотников до таких вещей, то оные сверх положенной по оценке суммы <...> еще несколько тысяч рублей более стоят». К доношению приложена «Роспись книг и прочим вещам, отданным в Академию наук из пожитков графа Брюса» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 119–214; СПбФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 138. Л. 208–265 об.).

Все собрание было оценено «знающими людьми» в 4568 руб.:

«Медали и монеты золотые и серебряные и прочие тогдашним унтер библиотекарем, что ныне ея императорского величества библиотекарь и статской советник, Таубертом в 1982 руб. 58 копеек.

Азиатские и другие куриозные натуральные вещи разными академиками 274 руб.

Книги адъюнктами академическими Бремом и Крузиусом в 975 руб. 82 коп.

Картины и ландкарты живописным мастером Гриммелем и гридоровальщиком Штенглиным в 609 руб. 10 коп.

Математические и физические инструменты профессором физики Крафтом в 726.50.

Итого в 4568 руб.» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Л. 32–32 об.).

Однако в 1742 г. наследник не получил обещанной суммы. 20 апреля 1765 г. уже сын А. Р. Брюса, Яков Александрович, обратился к императрице Екатерине II с просьбой заплатить за вывезенные из имения Глинки книги и вещи. Это доношение включает в себя «Роспись, или Обстоятельные ведомости книгам разных званий и инструментов, зрительным трубам и прочим куриозным вещам, которые в нынешнем 1735 году сентября 5 числа описаны и из дому покойного генерала фельдмаршала и кавалера графа Якова Вилимовича Брюса присланными из Санкт-Петербурга в Академию наук по инструкции взяты нотариусом Тидеманом да копиистом Пухортом» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10). И опять последовал запрос в Академию наук, которая в лице И. Тауберта отвечала, что в 1742 г. все описи с оценкой были отправлены в Кабинет, «но какая по тому доношению в Кабинете резолюция последовала и была ль откуда за оныя вещи упомянутого графа Брюса наследникам заплата или какой зачет, о том Академии неизвестно» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 33). Называя сумму оценки в 4568 рублей, И. Тауберт замечал, что «за редкость и курьезность всей коллекции вообще можно прибавить к предписанной сумме еще несколько тысяч рублей» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 33).

На вопрос же о том, нельзя ли составить новую опись, Тауберт писал, что произвести еще раз оценку всех книг и вещей не представляется возможным, поскольку «выбирание из тех массов

библиотеки, кунсткамеры географического департамента и архивы ученых дел, по которым она расположена, востребует немало труда и времени» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 33. Л. 31–31 об.). Отметим, что первоначально И. А. Корф предполагал сохранить собрание Я. В. Брюса как единое целое, но с поступлением его в Академию наук были разделены и книги в библиотеке, и коллекции по разным кабинетам Кунсткамеры. В 1745 г. И. Тауберт на запрос Канцелярии Академии наук о «куриозных вещах» из собрания покойного генерал-фельдмаршала Я. В. Брюса доложил только о части китайской коллекции, размещенной на галерее здания (Материалы 1895: 406–408). Все собрание минералов в Кунсткамере было систематизировано еще в 1731 г. И. Г. Гмелиным, который слил воедино коллекции, хранящиеся до этого по собирателям и бывшим владельцам, и разместил их по им самим разработанному порядку, которому следовали и в дальнейшем. Нумизматическая коллекция поступила в Минц-кабинет, в котором источник поступления монет и медалей не фиксировался. Лишь при хранении вещей из золота и серебра бывшие владельцы предметов не были забыты (Материалы 1895: 299–322). К тому же специфика коллекций Брюса, поступивших в Кунсткамеру, была такова, что они использовались при проведении исследований. Уже в 1736 г. часть инструментов и приборов из собрания Брюса была передана Ж.-Н. Делилю для Обсерватории и Географического департамента, а также Г. В. Крафту для Физического кабинета (Материалы 1886б: 103). Через десять лет, в 1746 г., Делиль получил из «Брюсовых пожитков» еще целый ряд астрономических инструментов.

Не лучше было положение и с библиотекой Брюса: «Принятое решение сохранить книги Я. В. Брюса как единую коллекцию выполнено не было. По существующей в Библиотеке Академии наук традиции, вновь прибывшие книги разделили по отраслям знания и по форматам, а обнаруженные дублиеты передали в Академическую книжную лавку для продажи» (Савельева 1989: 4). В 1812 г. после пожара Москвы часть дублетного фонда БАН была передана в Московский университет, а в 1827 г. после пожара в университете в Або и по случаю открытия нового университета книги из разделов «Теология» и «Юриспруденция» были подарены в Хельсинки. Среди этих книг были и экземпляры из библиотеки Я. В. Брюса. Но все-таки большую часть библиотеки сподвижника Петра I Е. А. Савельевой удалось восстановить по имеющемуся на книгах экслибрису и читательским пометам. При документальной реконструкции коллекции Я. В. Брюса таких владельческих знаков, конечно, нет, и основными источниками для нас являются «рописи», «ведомости», «описи». Но, как видно из изложенной нами истории поступления собрания Брюса в Академию наук, описания его коллекций составлялись разными людьми, с разными целями и в разное время. Поэтому детальная реконструкция списка предметов, поступивших после смерти Брюса в Кунсткамеру, требует тщательного сопоставления всех сохранившихся описей. Сегодня мы можем дать общую характеристику поступивших в Кунсткамеру коллекций Брюса и попытаться понять, что они собой представляли и с какими целями формировались их владельцем.

При сопоставлении состава библиотеки Я. В. Брюса и коллекций предметов, им собранных, первое, что необходимо отметить, — это их несомненное единство. И библиотека, и коллекции были универсальными по своему характеру. Это отвечало универсализму знания первой четверти XVIII в. Но у Брюса были и свои предпочтения. По подсчетам С. П. Луппова, больше всего книг в библиотеке Брюса было по математике, астрономии, физике, механике и оптике, минералогии, а из гуманитарных наук — по истории, нумизматике, политике (Луппов 1973а: 261–262). Анализ описаний коллекций Брюса показывает, что наиболее значительными были собрания инструментов, минералов, а также монет и медалей. При формировании своего собрания Брюс отдал дань и увлечению искусством (у него была коллекция живописи), а также коллекционированию точных предметов, прежде всего китайских, что, возможно, связано с интересом к описанию разных стран, народов и их верований. И в составе его библиотеки немалое число книг о путешествиях, есть литература о религиях и по искусству. Таким образом, собрание Брюса, состоящее из библиотеки и коллекций перечисленных групп предметов, необходимо рассматривать как единое целое.

Если это собрание сопоставить с вехами биографии Брюса и его научными интересами, то становится очевидным, что библиотека и коллекции имели для их владельца прежде всего практическое значение как своеобразный научный кабинет. Такой вывод С. П. Луппов сделал о библиотеке: «Библиотека Брюса <...> рабочее собрание книг, необходимых его владельцу, полностью отражающее его научные интересы» (Луппов 1973а: 272). То же самое мы можем сказать и о коллекциях Брюса. Основанием для такого заключения является не только состав коллекций, но и пути их формирования.

Особый интерес представляет собрание научных инструментов и приборов, прежде всего оптических. Интерес Брюса к астрономии привел к тому, что он приобрел репутацию «черно-книжника» и астролога. Однако известно, что астрономия и практическая оптика были одними из важнейших занятий Я. В. Брюса. В 1717 г. в переводе Брюса была издана книга голландца Хр. Гюйгенса «Космотеорос», в которой излагалось гелиоцентрическое учение Коперника. Для проведения астрономических наблюдений Брюс сам изготавливал линзы, зрительные трубы и зажигательные стекла разных размеров. Так, при описании зажигательных стекол, сданных в обсерваторию Делилю, перечислены 147 стекол с разным диаметром в точке зажигания (СПбФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 138. Л. 118 об.). О том, как Брюс работал над изготовлением оптических инструментов и какие проблемы при этом решал, дают представление его переписка с механиком Академии наук И. Лейтманом (Ченакал 1951), которая началась в 1726 г., когда Лейтман еще не был приглашен в Петербург, а также письмо неизвестному лицу, в котором упоминается имя Лейтмана. Вот лишь небольшой отрывок из одного из писем: «Оба зеркала, изготовленные мною к этой трубе в моем доме, различные. Одно из металла с мышьяком, второе — из стекла. Стекло лучше, так как полировка металла нам удастся меньше, нежели полировка стекла. Малое зеркало я употреблял также металлическое и нашел его лучше стеклянного, однако не столь хорошим, как призмы из горного хрусталя. Эту трубу, с окуляром в 2 8/10 дюйма, я неоднократно употреблял для рассматривания предметов на горизонте, а также для наблюдения Луны. Луна выглядела в ней отчетливо и ясно, и был виден весь ее диаметр. Но я не мог провести наблюдения из-за моего нездоровья, которое в темные осенние ночи увеличивается» (Ченакал 1951). Таким образом, коллекция оптики составлялась Брюсом из им же самим изготавливаемых инструментов и приборов. Сохранилось изготовленное им в 1733 г. вогнутое металлическое зеркало для отражательного телескопа, ныне хранящееся в Государственном Эрмитаже (рис. 2, 3). Оно было в Кунсткамере и описано в изданном в 1742 г. каталоге музея: «Зеркало зажигательное, большое металлическое, вращающееся на оси, величиною в 2 фута 3 дюйма с надписью по-русски, означающей: Factum propria cura Comitum Iacobi Vilimovitz de Brūce, 1733, m<ense> Augusto. («Делано собственным рачением графа Якова Вилимовича Брюса, в месяце августе 1733 года») (Musei Imperialis Petropolitani... 1741: 7).

Минералогическая коллекция также отражает как научный, так и профессиональный интерес Я. В. Брюса. В 1719 г. он стал президентом учрежденной Берг-коллегии, в ведение которой входили организация работы и управление горнорудными заводами, добыча и переработка полезных ископаемых. Брюса интересовали проблемы исследования руд и минералов, а также вопросы пробирного анализа, для чего при Берг-коллегии была создана специальная лаборатория. В собрании Брюса были руды из Петербургской губернии, из Сибири, причем в списке руд и минералов указано, откуда происходят образцы, а также их состав в весовом соотношении частей. Показательно одно из писем Брюса Лейтману: «Прекрасный эксперимент, который Ваше высокоблагородие проделали с превосходными недавно изобретенными весами, ценен для меня тем более, что мне еще не посчастливилось проделать то же самое на таких же весах, которые Вам угодно было сделать для меня в Петербурге. Трение препятствует тому, что эти весы нечувствительны к очень малым тяжестям. В своем “Theatrum machinarum” Лейпольд (книга была в библиотеке Брюса. — Н. К.) сделал сообщение об английских весах без стрелки. Я имею такие же нового, предложенного Гексби устройства. Однако никому не удавалось достичь того, что

Рис. 2, 3. Зеркало круглое вогнутое (Зеркало Брюса). Мастерская Я. В. Брюса. Медь, дерево; полировка, гравировка. 85,6 x 85,6 x 5,5 см. Выгравирована надпись: Здѣлано собственнымъ тщаніемъ / графа Якова Вілемовича Брюса / 1733 : году : августа м[еся]ца. ГЭ Инв. № ЭРТх-1304. Фотографы А. М. Кокшаров, Л. Г. Хейфец. ©Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2020

в настоящее время Вашему высокоблагородию удалось исполнить. По расширению металлов Ваше высокоблагородие на деле дали очень значительный эксперимент. Если мне не помешает слабость здоровья, я также сделаю инструмент для того, чтобы узнать, действительно ли сгущенный холодный воздух прилегает к латунной струне на холоде, а в тепле снова уходит от нее, не способствуя сколько-нибудь понижению тона» (Ченакал 1951).

Интересен характер и нумизматической коллекции Я. В. Брюса, а также его собрание инталий. Состав их также не случаен, а определяется положением Брюса как государственного деятеля. Известно, что минц-кабинеты формировались коллекционерами как «металлическая история» стран и мира в целом. В этом отношении собрание Брюса охватывает римскую историю, историю Востока, Европы и, конечно, России. При этом нельзя забывать, что с 1720 г. Брюс был директором Санкт-Петербургского Монетного двора. О. Я. Неверов, изучавший нумизматическое собрание Брюса, отмечал, что в его составе были «подлинные шедевры античной нумизматики — золотые статеры Александра Великого и фракийского царя Лисимаха, серебряная тетрадрахма македонского царя Кассандра, ауреусы Цезаря, Августа, Константина, серебряные монеты Афин и Коринфа» (Неверов 1997: 137). Но нумизматический кабинет Брюса отражает и пропагандистское значение собрания медалей, которое так важно было для прославления российских побед и Петра I, рядом с которым начиная с Потешного войска был и Яков Брюс: в его минц-кабинете были собраны практически все медали, отлитые по случаю российских викторий в ходе Северной войны.

Большой интерес в собрании Брюса представляет серия портретов русских князей и царей от Рюрика до Ивана V, вырезанные на зеленой яшме мастером из Нюрнберга И. Доршем и хранящиеся ныне в Государственном Эрмитаже (Каган 2000). Для нас важно отметить, что это миниатюрная портретная галерея несомненно связана с интересом Брюса к российской истории. В его коллекцию живописи, также обогатившей Кунсткамеру, входили портреты русских царей от Ивана Грозного до Ивана Алексеевича.

О. Я. Неверов, много сделавший для исследования собраний Кунсткамеры и коллекций Я. В. Брюса в частности, заметил, что Брюс был «страстным коллекционером» (Неверов 1997: 135). Но анализ описаний всего состава собрания Брюса приводит нас к выводу, что это было собрание человека, увлеченного всем тем, чем он должен был заниматься по долгу службы, и ученого-экспериментатора. И библиотека, и коллекции Брюса — это прежде всего его рабочий кабинет. Именно поэтому они оказались так востребованы в Академии наук, в которой и библиотека, и музей (Кунсткамера) выполняли те же функции, что и частное собрание Якова Вилимовича Брюса. Ранее опубликованные и выявленные в архивах описи коллекций Брюса позволят провести документальную реконструкцию одного из богатейших частных музейных собраний в России первой половины XVIII в. и продолжить поиск и атрибуцию предметов в российских музеях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дело о библиотеке и различных редкостях графа Якова Брюса, поступивших в Академию наук // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. 45 л.

Дело о вещах Я. В. Брюса // СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 16. Д. 1. 112 л.; Д. 2. 100 л.; Д. 3. 73 л.

Опись, учиненная в Москве оставшимся после генерала фельдмаршала Брюса отданным в 1736 году в Академию книгам и другим вещам с оригинальной оценкою каждой вещи // СПФ АРАН. Р. III. Оп. 1. Д. 138. Л. 208–265 об.

Роспись книг и прочим вещам, отданным в Академию наук из пожитков графа Брюса // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 119–214.

Каган Ю. О. Еще раз о Доршевой серии портретов русских князей и царей. Историографический аспект и новые материалы // Из истории Петровских коллекций: сб. науч. тр. памяти Н. В. Калязиной. СПб., 2000. С. 27–65.

Луппов С. П. Библиотека Я. В. Брюса // Сборник статей и материалов по книговедению. Л., 1973а. Вып. III. С. 250–272.

Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973б. С. 184–203.

Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886а. Т. 2.

Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1886б. Т. 3.

Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1889. Т. 5.

Материалы для истории Императорской академии наук. СПб., 1895. Т. 7.

Меньшикова М. Л. Яков Вилимович Брюс и его китайские коллекции // Петровское время в лицах. СПб., 2000. С. 34–40.

«Нарисованный музей» Петербургской Академии наук. 1725–1760 / науч. ред. Р. Е. Кистемакер, Н. П. Копанева, Г. В. Вилинбахов. СПб., 2003. Т. 1; СПб., 2004. Т. 2.

Неверов О. Я. Памятники античного искусства в России Петровского времени // Культура и искусство Петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 37–53.

Неверов О. Я. Собрание редкостей Петровской Кунсткамеры // Петр и Голландия: русско-голландские научные и художественные связи в эпоху Петра Великого / под ред. Н. П. Копаневой, Р. Кистемакер, А. Офербек. СПб., 1997. С. 127–141.

Неверов О. Я. Собиратели редкостей из окружения Петра Великого // Из истории Петровских коллекций: Сб. науч. тр. памяти Н. В. Калязиной. СПб., 2000. С. 29–145.

Савельева Е. А. Библиотека Я. В. Брюса: Каталог. Л., 1989.

Ченакал В. Л. Письма Я. В. Брюса к Иоганну-Георгу Лейтману // Научное наследство. М., 1951. Т. 2. С. 1083–1096.

Musei Imperialis Petropolitani vol. 1–2. [Санкт-Петербург], 1741. Vol. 2. Ps. 1.

ON THE COLLECTION OF IAKOV BRUCE, HIS HEIRS AND WORK ROOM

ABSTRACT. Iakov Vilimovich Bruce, an associate of Peter the Great, Russian statesman, scientist and translator, died in 1735. After his death, Bruce's library and collection of 'rarities' were transported from his Glinka estate in Moscow area to the Saint Petersburg Academy of Sciences, where it was integrated into the academic library and museum. After the removal of 'Bruce's belongings' from Moscow, the heir of Bruce, his nephew (son of his elder brother) Alexander Romanovich Bruce, addressed the empress with a petition. He asked to return what had been taken, since the entire collection constituted a 'noble part of the estate', but received a response that for the books and things taken to the Academy of Sciences, he would be paid an amount that would be determined after the evaluation of the collection. The reimbursement case was delayed: A.R. Bruce did not receive the money, and his son Ia.A. Bruce had to deal with the issue of inheritance. The appeals of the heirs to the imperial court, during the reigns of first Elizaveta Petrovna and later Catherine II, required the Academic Chancellery to recommence compiling the lists of items and monetary evaluation of Ia.V. Bruce's collections, and to provide a report on what had been preserved in the library and museum. Today these documents present additional sources for studying the history of the collection of Bruce as part of the Kunstkamera museum collection from the first half of the eighteenth century. Analysis of the descriptions of Bruce's collection leads to the conclusion that it was not so much a collector's collection as that of an experimental scientist. Both Bruce's library and collections constituted his work room, and that is why they were so in demand at the Academy of Sciences.

KEYWORDS: Iakov Bruce, Alexander Bruce, Jo. Taubert, Saint Petersburg Academy of Sciences, Kunstkamera, Bruce's museum collection

NATALIA P. KOPANEVA — PhD, Chief Collection Manager, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)
E-mail: kopaneva@kunstkamera.ru